

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭЛЛИНИЗМА

Одной из задач при исследовании эллинизма является изучение эллинистической художественной литературы, ценного источника сведений о культурной жизни III— I вв. до н. э. Но десятки сотен эллинистических греческих писателей утрачены безвозвратно либо представлены ничего не говорящими именами. Известные же нам памятники эллинистической литературы представляют в основном лишь хаос беспо-

рядочных отрывков. Сравнительно несколько лучше сохранились поэтические памятники, поэтому в науке преимущественно занимаются ими. С эллинистической поэзии мы и начнем наш обзор.

В 1954 г. в Англии отмечалось пятидесятилетие существования «классической ассоциации». К юбилею в Оксфорде была опубликована большая коллективная историография греческой и римской литературы, составленная по отдельным ее жанрам, но без какого-либо плана¹. Одной из лучших глав этой мало удачной книги является раздел об эллинистической поэзии, написанный Э. Барбером, посвятившим более пятидесяти лет своей жизни изучению эллинистической поэзии (ук. соч., стр. 214 слл.). На юбилейном заседании в Лондоне с докладом о проблемах изучения эллинистической поэзии выступил Р. Пфейффер. Он затронул очень интересные темы, но не выделил их по значимости, объединив вместе общие и принципиально важные проблемы с мелкими и частными вопросами². Основные проблемы изучения греческой и в том числе эллинистической литературы выделены в книге итальянского филолога Ф. Семи, но он выдвигает главным образом лингвистические и стилистические проблемы, не касаясь вопросов идейного содержания и художественного метода эллинистической литературы³.

Из библиографических обзоров, посвященных отдельным вопросам эллинистической литературы, следует указать на подробную аннотированную до 1954 г. библиографию по Аполлонию Родосскому (она продолжает такую же библиографию по Каллимаху, изданную тем же автором еще в 1937 г.)⁴. Таковы основные библиографические материалы по эллинистической поэзии.

Плохая сохранность эллинистической литературы заставляет исследователей уделять особое внимание новым находкам литературных текстов, как бы фрагментарными они ни были⁵.

Самым сенсационным событием последних лет является находка новой комедии Менандра, первого целостного памятника новоаттической комедии. Комедия «Дискол» (*Δύσκολος*) была прочитана на отрывке папирусной книги начала III в. н. э. приобретенной в Александрии в 1956 г. известным женеvским коллекционером М. Бодмером⁶. Издание комедии выполнено на основании тщательного изучения текста с привлечением факсимиле рукописи, переводом комедии на французский, немецкий и английский языки и обстоятельным комментарием. Из гипотасписа, восходящего к Аристофану Византийскому, известно, что «Дискол» был поставлен в Афинах в 317/316 г., когда Менандру было всего 25 лет, и, следовательно, принадлежит к раннему периоду творчества знаменитого комедиографа. Недлинная пьеса написана простым и ясным языком, ее действие развивается легко и непринужденно. События разворачиваются у подножья Парнасса, неподалеку от святилища бога Пана; последний сам выступает в прологе и рассказывает, что возле его святилища поселился старый ворчун и брюзга (*δύσκολος* — означает «брюзга», «вечно недовольный») по имени Кнемон. У Кнемона есть дочка, в которую влюблен некий юноша, но старик, озлобляя на весь мир, возненавидел юношу и не дает согласие на брак дочери. Жалея бедную девушку Пан покровительствует ей и устраивает свидания. Он же ведет всю интригу, в результате которой угрюмый Кнемон сначала вынужден согласиться на брак дочери, а затем, под влиянием Пана, он отказывается от отшельнической жизни и занимается приготовле-

¹ Fifty Years of Classical Scholarship, ed. M. Platnauer, Oxf., 1954.

² R. Pfeiffer, The Future of Studies in the Field of Hellenistic Poetry, JHS, 75 (1955), стр. 69 слл.

³ F. Semi, Lingue e Lettere classiche. Manuale di filologia greca e latina, Firenze, 1955.

⁴ H. Herter, Bericht über die Literatur zur hellenistischen Dichtung seit 1921, ч. II: Appollonios von Rhodos, «Jahresh. über die Fortschritte d. klass. Altertumswissenschaft», т. 285, Göttingen, 1944—1955, стр. 213 слл.; он же, Bericht über die Literatur zur hellenistischen Dichtung aus den Jahren 1921—1935, ч. I, Kallimachos, там же, т. 255, Lpz., 1937, стр. 65 слл.

⁵ Основные публикации эллинистических литературных текстов, сделанные до 1950 г., приведены в указателе Пэка, включившего и продолжившего аналогичный указатель Олдфэзера: P. A. Pack, The Greek and Latin Literary Texts from Greco-Roman Egypt, Ann Arbor, 1952; C. H. Oldfather, The Greek Literary Texts from Greco-Roman Egypt, Madison, 1923. Литературные эллинистические тексты, найденные до 1940 г., см. D. L. Page, Greek Literary Papyri, т. I, L., 1924; обзор литературных текстов, найденных и опубликованных с 1941 по 1954 гг., см. R. Merklebach, Literarische Texte unter Ausschluss der Christlichen, «Archiv für Papyrusforschung», XVI (1956), 1, стр. 82 слл. Там же см. перечень основных общих публикаций и отдельных изданий найденных за этот период фрагментов.

⁶ Papyrus Bodmer IV: Ménandre, Le Dyscolos, ed. V. Martin, Genève, 1958. См. он же, Une nouvelle comédie de Ménandre, «Gnomon», XXIX (1957), 7, стр. 560 слл.; он же, Avant la publication du *Δύσκολος* de Ménandre; MH, XV (1958), 4, стр. 209 слл.

ниями к свадьбе, радуясь случившейся перемене. В этой комедии мы видим своеобразное решение любовной темы: бог Пан помогает девушке и наказывает старика за его своенравие. Обычно в новой комедии и римской палиатие любовная тема является неизбежным финалом, в «Дисколе» при ее помощи оказывается возможным благополучный финал, в котором в комическом плане разрешается конфликт человека с божеством⁷. Финал «Дискола» дал возможность провести еще одно предварительное наблюдение над связью аттической и римской комедий, поколебав традиционные представления о последней. Было известно, что комедия Плавта «Стиха» является переделкой «Братьев» Менандра. Исследователей смущала лишь заключительная сцена «Стиха», где изображалась разгульная пирушка рабов, заставлявшая предполагать здесь отход Плавта от своего оригинала, так как подобные сцены считали чуждыми искусству Менандра⁸. Но заключительная сценка «Дискола», написанного почти в одно время с «Братьями», не связана со всем действием и так же, как финал «Стиха», перекликается с экзодом древней комедии, где веселая пирушка с танцами и песнями являлась обязательным завершением пьесы⁹.

Находка первой полной комедии Менандра явилась важным событием в изучении истории европейского театра и представляет собой, несомненно, событие мирового значения¹⁰. Поэтому неудивительно, что почти все периодические журналы по античной истории и филологии, вышедшие после публикации Мартена, уделяют открытию много внимания. Но новые находки произведений Менандра не исчерпываются одним «Дисколом». За послевоенные годы найдены несколько фрагментов, связанных с именем Менандра. Так, новое чтение первых пяти стихов комедии «Неизвестный» (*Μισογυνος*) принес опубликованный В. Шубартом папирусный отрывок¹¹. Другой папирус познакомил исследователей с несколькими отрывками из приписываемой Менандру комедии «Жекрифал»¹². Кроме «Дискола» папирус Бодмера имеет еще несколько отрывков из двух других менадровских комедий. В 22-м томе оксиринхских папирусов был опубликован какой-то стихотворный греческий текст в ямбических триметрах, написанный в два столбца и плохо сохранившийся. Одни исследователи склонны видеть в нем отрывки из «Земледельца» (*Γεωργος*) Менандра, другие считают его фрагментом неизвестной менадровской комедии, третьи, более осторожные, — неизвестным фрагментом неизвестного комедиографа III в. до н. э.¹³. С именем Менандра связана еще одна любопытная находка, сделанная в 1954 г. в Болгарии при раскопках античного города Ульпия Эскуса. На обломке мозаичной картины, сохранившаяся подписи под которой гласит, что это «Ахейцы» Менандра, изображены в странных позах четыре комических персонажа¹⁴. В перечне известных заглавий «повой» комедии нет такой пьесы. Фрагмент мозаики не дает представления о сюжете комедии. Поэтому эта находка, еще не получившая удовлетворительного объяснения¹⁵, упомянута в новом издании Менандра (II, стр. 292) как сомнительная¹⁶. Указанное издание, выполненное А. Керте и переработанное А. Тирфельдером, заслуживает упоминания, так как оно во многом отли-

⁷ P. J. P h o t i a d e s, Pan's Prologue to the Dyscolos of Menander, «Greece and Rome», V (1958), 2, стр. 108 слл.; G. T. W. H o o k e r, The New Menander, там же, стр. 105 сл.

⁸ F. L e o, Plautinische Forschungen², В., 1912, стр. 168.

⁹ Еще до находки «Дискола» Уэбстер считал, что финал «Стиха» восходит к менадровскому оригиналу. Th. В. L. W e b s t e r, Studies in Menander, Manchester, 1950, стр. 141. Гипотеза Уэбстера подтвердилась, и мнение Лео оказалось опровергнутым. См. W. K r a u s, Zum neuen Menander, RhM, 102 (1959), 2, стр. 146 слл.

¹⁰ См., например, восторженную статью Говальда. E. H o w a l d, Papyrus Bodmer IV, Vermittlung eines weltliterarischen Fundes, «Neue Züricher Zeitung», 25 April 1959, лист 11.

¹¹ W. S c h u b a r t, Griechische literarische Papyri, В., 1950, стр. 47.

¹² В. S n e l l, Griechische Papyri der Hamburger Staats-und Universitäts Bibliothek, Hamburg, 1954, стр. 20 слл.

¹³ The Oxy. Pap., XXII, 2329; R. S t a r k, Über ein neues Fragment aus der neuen Komödie, RhM, 100 (1957), 2, стр. 129 слл.; А. В a r i g a z z i, Studi Menandrei, «Athenaeum», 34 (1956), III—IV, стр. 325 слл. См. также об отрывках новой комедии в обзоре М е р к е л ь б а х а, Literarische Texte, стр. 104 сл.

¹⁴ Т. И в а н о в, Римска мозайка от Ульпия Эскус, София, 1954.

¹⁵ Ch. P i c a r d, Du nouveau sur Ménandre: La mosaïque d'Ulpia Oescus (Bulgarie), RA (1956), стр. 220 слл. Иванов отстаивает свое мнение о существовании у Менандра комедии «Ахейцы». См. Т. И в а н о в, Нови данни аз комедията «Ахейци» на Менандър, Сб. «Изследвания в чест на акад. Д. Дечев», София, 1958, стр. 489 слл.

¹⁶ Menandri quae supersunt, pars prior. Reliquiae in papyris et membranis vetustissimis servatae, ed. A. K o e r t e; Editio stereotypa correctior tertiae editionis (1938) addenda adiecit A. T h e i r f e l d e r, Lipsiae, 1957; Menandri quae supersunt, pars altera. Reliquiae apud veteres scriptores servatae, ed. A. K o e r t e, opus postumum retractavit, addenda ad utramque partem adiecit A. T h e i r f e l d e r. Ed. altera aucta et correcta, Lipsiae, 1959.

чается от всех предыдущих изданий Менаандра и очень важно как для изучения творчества последнего, так и для истории всей «новой» комедии. Здесь впервые собраны воедино и научно прокомментированы все цитаты Менаандра, сохранившиеся в передаче древних авторов. Большое и обстоятельное введение, обзор основных папирусных и пергаментных рукописей, критический аппарат, собрание всех testimonia, предпосланных фрагментам, наконец, подробные индексы делают издание в высшей степени ценным.

Менаандр открывает своим творчеством художественную литературу эпохи эллинизма. Он — последний выдающийся афинский писатель, преемник великих драматургов V в. до н. э. и вместе с тем идеолог нового эллинистического периода, оказавший огромное влияние на всю последующую литературу. Литературоведение последних десятилетий немало сделало в изучении вопроса об идеальном содержании комедий Менаандра. В многочисленных статьях и в подытоживающей их монографии английского исследователя Уэбстера Менаандр изображается в роли обличителя пороков современного ему общества, а его комедии рассматриваются в непосредственной связи с конкретной политической историей его времени. Привлекая большой сравнительный материал, Уэбстер приходит к выводу, что комедии Менаандра проникнуты новыми гуманистическими идеями, проповедующими равенство между народами, солидарность общества и индивида и равенство морали для всех членов общества¹⁷. Однако, увлекаясь историческими сопоставлениями, Уэбстер стремится каждый фрагмент «средней» и «новой» комедии обязательно связать с политической историей и использовать эту связь для датировки той или иной комедии, с чем не всегда можно согласиться, особенно в отношении таких мало известных нам авторов, как Тимокл, Дифил и др.¹⁸ Подобный метод исследования литературных памятников, и в первую очередь, «средней» и «новой» комедии, несмотря на некоторое недоброжелательство зарубежной критики, все более и более завоевывает себе признание¹⁹. Поэтому неудивительно, что даже «Дискол» Менаандра сразу же заинтересовал исследователей своим положением в круге общественных идей конца IV в. до н. э.²⁰

Новая комедия была последним литературным отпрыском Афин. Начиная с первой четверти III в. поэтическая жизнь в основном стала сосредотачиваться в Александрии. Центральной фигурой среди александрийских поэтов первой половины III в. до н. э., властителем дум своего времени является Каллимах из Кирены, про которого можно со всей определенностью сказать, что только теперь он опять возвращен к жизни после долгих лет забвения. До XX века была известна лишь очень незначительная часть его произведений, но начиная с 1904 г. редкий год пески Египта не приносили нам фрагментов утраченных произведений Каллимаха. Найдены значительные части «Причин», «Ямбов», элегии «Локона Береники» и других элегий типа «Победы Сосибия», лирические стихотворения и в дополнение к известному тексту гимнов многочисленные его варианты. Кроме стихотворных текстов Каллимаха открыты античные схолии и прозаические пересказы стихотворений (диэгесы). Они позволили установить содержание тех произведений, которые не сохранились полностью, и даже интерпретировать их отдельные части²¹. Благодаря им стало известно, что 66-е стихотворение Катулла является почти буквальным переводом «Локона Береники» Каллимаха, элегии, включенной в IV книгу «Причин», а P. Oxy. 2258 дает новую, ранее неизвестную редакцию этой элегии²².

¹⁷ Th. B. L. Webster, *Menander's Plays of Reconciliation*, «Bulletin of the John Rylands Library», 24 (1945—1946), стр. 369 слл.; он же, *Menander, Plays of Social Criticism*, там же, 30 (1947), стр. 347 слл.; он же, *Studies in Menander*.

¹⁸ Th. B. L. Webster, *Studies in Later Greek Comedy*, Manchester, 1953.

¹⁹ G. Meautis, *Le crépuscule d'Athènes et Ménandre*, P., 1954; C. Prêtre, *Ménandre et la société athénienne*, «Chronique d'Egypte», XXXII (1957), 63, стр. 84.

²⁰ См., например, статью Шмида (W. Schmid, *Menanders Dyscols und die Timonlegende*, *RhM*, 102 1959, 2, стр. 157 слл.), в которой доказывается, что образ мизантропа и монотропа возник в Афинах в IV в. в связи с новыми представлениями о человеке и его месте в жизни. Под влиянием идей своего времени Менаандр первый развелчал этот образ, подав его в карикатурном виде, а под воздействием Менаандра складывался позднейший образ человека-ненавистника Тимона у Лукиана и Либания.

²¹ Галлаветти и Даусон, например, установили, что основным композиционным принципом книги «Ямбов» было не содержание отдельных стихотворений, а их метрическое единство. *Il Libro dei Giambi di Callimaco*, ed. C. Gallavotti, Napoli, 1946 (известна мне лишь по рецензиям); C. M. Dawson, *The Iambi of Callimachus*, *JCS*, XI (1950), стр. 1 слл.

²² *Callimachus*, ed. R. Pfeiffer, I. *Fragmenta*, Oxf., 1949, стр. 112 (в дальнейшем PL, ф-т); T. Ciresola, *Le due redazioni della Chioma di Berenice di Callimaco*, «Rendiconti dell'Istituto Lombardo, Classe di Lettere, Scienze morali e storiche», Milano, 91 (1957), стр. 123 слл.; он же, *La Chioma di Berenice di Callimaco a le poesia etiologica*, там же, стр. 483 слл.

Среди не сохранившихся полностью произведений Каллимаха особое внимание исследователей неизменно привлекала эпическая поэма «Гекала». Она считалась наиболее ярким выражением литературной программы поэта, так как, хотя сюжет ее был заимствован из преданий о подвигах аттического царя Тезея, в центре внимания поэта оказывались не Тезей и его знаменитые подвиги, а старушка Гекала, ее бедная хижина, в которую случайно попал Тезей, спасаясь от дождя, отношении хозяйки к своему неожиданному гостю и т. д. и т. п. Фрагменты «Гекалы» интерпретировались в самых различных направлениях, вплоть до того, что поэма рассматривалась иногда как первое романтическое произведение новой литературы, не имевшее никаких корней в прошлом²³. Опубликованные в 1956 г. новые находки позволяют теперь внести некоторые уточнения (The Oxy. Pap. XXIII, 2376, 2377). Заключение поэмы, сюжет которой был в общих чертах известен из диэгес к «Гекале» (Pf., 230 и сл.), свидетельствует о том, что поэма представляет типичный этиологический эпиллий, объясняющий происхождение культа Зевса Гекалийского в Афинах и название одного аттического селения. Новые фрагменты позволяют предположить, что «Гекала» была связана с рядом аттических преданий, составляющих раннюю историю Аттики. Плохая сохранность отрывков не позволяет восстановить их содержание, поэтому все попытки интерпретации, как бы они ни были остроумны, являются неубедительными²⁴. Эпический рассказ о Гекале, несомненно связанный с аттическими мифами, еще раз подтверждает мысль И. И. Толстого о связи эллинистической поэзии, и, в частности, творчества Каллимаха, с древнегреческим фольклором, откуда поэты-александрийцы черпали свои темы и способы их художественной обработки²⁵. Третий из новых фрагментов Каллимаха настолько отрывочен и краток, что издатель сомневается в его принадлежности, которая установлена лишь совпадением одной строки с фр-ом 562 Pf., где речь идет об оружии Диомеда, хранящемся в «богатом коняма Аргосе» (The Oxy. Pap., XXII, 2375).

Исследование творчества Каллимаха открывает богатейшие возможности для историка и филолога, так как поэтическая и научная деятельность его почти еще не изучена. Лишь недавно Р. Пфейффер опубликовал новое издание Каллимаха, в котором две трети текста составляют находки, ставшие известными уже после издания Шнейдера (2 тома, 1870—1873 гг.)²⁶. Издание Пфейффера является итогом тридцатилетней работы над Каллимахом. Издатель заново излагает всю историю текста, привлекает огромный исторический и литературный материал. Его Prolegomena ad fragmenta, hymnos et epigrammata включают все вопросы, связанные с жизнью и творчеством Каллимаха, а в заключающих их Testemonia de Callimachi vita et scriptis приведены все античные свидетельства о поэте, включая схолии. Второй том оканчивается двумя большими индексами — индексом реалий и слов. Это издание с полным основанием можно назвать первым научным сводом всего каллимаховского наследия, включая диэгесы, схолии и античные его переводы. Тщательное изучение текста позволило, например, Пфейфферу выявить более 30 фрагментов, отнесенных в предыдущих изданиях к «неизвестным отрывкам Каллимаха», и установить их принадлежность другим авторам, начиная от Гомера и Гесиода и кончая Иоанном Дамаскином и Григорием Назанзианом. Пфейффер дает много своих интерпретаций текста, и хотя критики часто упрекают его в чрезмерном стремлении раскрыть все тайны испорченного текста, его поправки в большинстве своем очень ценны²⁷. Издание Пфейффера поможет теперь увидеть творчество Каллимаха в новом свете, связать его с памятниками греческой литературы предшествующего периода и установить его роль в литературе Рима

²³ Pfeiffer, The Future of Studies..., стр. 70.

²⁴ F. Kraft, Die neuen Funde zur Hecale des Kallimachos, «Hermes», 86 (1958), 4, стр. 471 сл.

²⁵ И. И. Толстой, «Гекала» Каллимаха и русская сказка о бабе-яге, «Уч. Зап. ЛГУ, серия филологич. наук» (1941), вып. 7, стр. 7 слл.; о н же, Поэзия Каллимаха и ее литературный стиль, «Научная сессия ЛГУ, 1946. Тезисы докладов на секции филолог. наук», 1946; о н же, Миф в александрийской поэзии, «Уч. Зап. Лен. Гос. пед. инстит. им. А. И. Герцена, кафедра русской лит.», 67 (1948), стр. 17 слл.

²⁶ Callimachus, ed. Pfeiffer, I. Fragmenta, Oxf., 1949, II. Hymni et Epigrammata, Oxf., 1953.

²⁷ Так, например, во fr. 260 ст. 64 в результате тщательного сличения таблички с текстом Пфейффер установил ошибку Т. Гомперца, повторенную У. Виламовицем и вошедшую во все курсы истории античной литературы. Не птица на рассвете прилетает будить своих уснувших товарок и возвещает им о конце ночи (ἴτε etc.), а сам поэт рассказывает о том, как подошел и покрытый инеем рассвет (ἀρχαυρός), время, когда (ἔτε) руки воров уже более не тянутся к добыче, и т. д. Правильное толкование устранило все недоумения, включая истолкование данного отрывка в романтическом духе, и связало его с гомеровским текстом (Il., XV, 495) и с «Аргонавтикой» Аполлония Родосского (IV, III, сл.) — см. Pfeiffer, The Future of Studies...

и нового времени. Все другие послевоенные издания Каллимаха далеко уступают Пфейфферу²⁸.

В произведениях Каллимаха нашли свое отражение ожесточенные литературные споры александрийских поэтов. Еще в 1936 г. был открыт так называемый флорентийский комментарий к «Причинам» Каллимаха (Pfeiffer, Callimachus, т. II, стр. 3 сл.), где поименно были названы основные литературные противники Каллимаха, но это открытие еще больше запутало вопрос о характере литературных разногласий. В небольшом обзоре невозможно перечислить все статьи и монографии последних лет, посвященные этой полемике и интерпретации безнадежно испорченных полемических текстов Каллимаха. Вопрос этот очень важен, так как он связан с проблемой античного литературоведения и литературной критики, проблемой отношения эллинистических поэтов к культурному наследию прошлого, с вопросом об идеям содержания их разногласий и т. д. и т. п.²⁹. К сожалению, многие зарубежные авторы подходят к изучению и объяснению эллинистической поэзии с предвзятых эстетствующих позиций. Поэтому у Перотта или у Говальда, например, Каллимах выступает предтечей декадентствующего символизма, а разногласия в среде александрийских поэтов сводятся к спорам о форме и лексическом отборе³⁰. Углубленное изучение общественной мысли того времени, его культуры, научной мысли, основ образования, круга чтения и интересов должны помочь исследователям в разрешении этих проблем. Но особенно важно обратить внимание на связь памятников эллинистической литературы с действительностью и установить их идейную направленность в каждом отдельном случае. Известно, например, что одной из причин разногласий александрийцев было их отношение к эпической поэзии. Каллимах и его последователи, включая Феокрита, не отвергали древнего классического эпоса. Они тщательно изучали его, комментировали, использовали в своей поэтической практике, но выступали против больших эпических поэм гомеровского характера и тяготели к Гесиоду. Их противником был Аполлоний Родосский, автор «Аргонавтики». В этой эпической поэме, претендующей на широкий охват действительности и глубину идейного замысла, герои противопоставлялись героям современной лирической поэзии, хотя средства художественного изображения в основном были и у тех и у других тождественны. Слава Аполлония не уступала славе Каллимаха, но в их споре победу одержал последний, и Аполлоний, покинув Александрию, уехал на Родос. Споре двух поэтов уделяется достаточно внимания в современной научной литературе, но все попытки установить хронологическую последовательность и внести дополнения в имеющиеся сведения, так же как прокомментировать полемические выпады в их произведениях, не являются достаточно убедительными.

Среди многочисленных статей об Аполлонии Родосском выделяются работы Г. Френкеля, посвященные проблемам текста и его интерпретации, и учитывающие новые папирусные находки³¹. Эпическая поэма «Аргонавтика» представляет собой очень сложное явление, связанное с особенностями всей эллинистической эпохи. Ее идейная направленность отражает внутреннюю и внешнюю политику Птолемея II Филадельфа, идеологическим обоснованием которой проникнут весь эпос. Аполлоний стремится оправдать греко-македонское господство в Африке, установить гегемонию над всем эллинистическим миром и доказать, что только птолемеевский Египет является достойным наследником былой славы Эллады³². Ничего подобного нельзя найти ни у Каллимаха, ни у Феокрита, ни у других эллинистических авторов, у которых прославление монарха и его окружения обычно является формальным и не-

²⁸ Il Libro dei Giambi di Callimaco, ed. C. Gallavotti; Die Dichtungen des Kallimachos, ed. E. Howald und E. Steiger, Zürich, 1955; Callimachus, Aetia, Iambi, Hecale and Others Fragments, ed. by C. A. Trypanis, L., 1958.

²⁹ Напр., A. Rostagni, Scritti minori, II, Hellenica hellenistica, Torino, 1956; C. Gallavotti, Appunti di letteratura greca. Callimaco, Bari, 1946; C. Corbato, Riprese Callimachee in Apollonio Rhodio, Trieste, 1955; V. Steffen, De Somnio Herondae, Poznânskie Towar. Przi. Nauk. Prace kom. Filol., XI (1948), 2, стр. 63 сл. и др.

³⁰ G. Perotta, Disegno storico della letteratura greca², Milano — Messino, 1956; E. Howald, Der Dichter Kallimachos von Kyrene, Erlbach — Zürich, 1943. Автор считает Каллимаха предшественником той поэзии, «которая уводит человека из реального мира в мир грез, сказок Андерсена и маленьких поэм Дебюсси».

³¹ H. Fränkel, Problems of the Text and Interpretation in Apollonius' Argonautica, AJP, LXXI (1950), 2, стр. 113 сл.; он же, Das Argonautenepos des Apollonios, MH, XIV (1957), 1, стр. 1 сл., где показывается, что Аполлоний, используя сказку и миф, раскрывает истинный мир человека. Он же, Die Argo als Vozelscheuche (Apollonios Argonautika, II, 1030—89), «Festschrift E. Kapp», Hamburg, 1958 — о любопытном переосмыслении Аполлонием гомеровского сравнения.

³² Н. А. Чистякова, «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Место Аполлония в литературной борьбе III в. до н. э. и образы главных героев его поэмы, Автореферат диссертации, Л., 1950.

глубоким, даже в посвященных им произведениях. Творчество Аполлония Родосского оказало большое влияние на римскую поэзию и особенно на Вергилия, заимствующего из «Аргонавтики» многочисленные ситуации и образы³³.

В отношении текста Феокрита последние десятилетия не принесли почти ничего нового. В основном феокритовские папирусы повторяют известные тексты, хотя добавляют много новых чтений, зачастую исправляющих рукописное традиционное чтение. Но за последнее время вышло несколько изданий текста Феокрита. В 1946 г. итальянский ученый Галлавоцци издал всю греческую буколику, просмотрев 178 рукописей и используя для своего критического аппарата³⁴. В 1950 г. профессор Кембриджского университета Гоу выпустил новое издание Феокрита, дополненное им в 1952 г. сборником остальных буколических текстов³⁵. Издание Гоу часто критикуют за произвольные и недостаточно обоснованные конъектуры текста, но основная ценность его книги — в обстоятельном и подробном комментарии и большом справочном аппарате. Обоим указанным новым изданиям значительно уступает издание К. Латте, подготовленное в качестве школьного пособия и не учитывающее того, что было сделано Галлавоцци³⁶. В 1955 г. вышла работа Смитнея, посвященная истории текста феокритовских эпиграмм³⁷. За последние годы много сделано также в области популяризации греческой буколической поэзии и ознакомления с нею широких читательских кругов. Так, совсем недавно советские и польские читатели после длительного перерыва получили новые переводы Феокрита и его греческих подражателей³⁸. Из всех эллинистических жанров греческая буколическая и идиллическая поэзия просуществовала особенно долго, а отдельные идиллические мотивы звучали в русской и европейской поэзии даже в XIX и XX вв. Но как античные подражатели Феокрита, так и все остальные буколические поэты сохранили в основном лишь формы созданного им жанра, утратив присущее ему своеобразие и оригинальность. В современном литературоведении объяснение этому явлению ищут в истоках буколического жанра³⁹. Еще в 20-х годах XX в. было высказано предположение о связи буколической поэзии Феокрита с фольклором Сицилии⁴⁰. Эта мысль была разработана и подтверждена советскими исследователями⁴¹. А совсем недавно в статье Ф. Меркельбаха, посвященной вопросу становления греческой буколической поэзии, своеобразие Феокрита объяснялось тем, что он создал новый литературный жанр, обратясь к устной поэзии сицилийских пастухов. Для преемников Феокрита его поэзия была чисто литературным жанром (γένος), они уже не ощущали ее связи с народным творчеством. Поэтому, утратив характерную для Феокрита связь поэзии с действительностью, его последователи оказались основоположниками той пасторальной поэзии, которая сохранилась в веках, поэзия же самого Феокрита осталась единственной и неповторимой⁴².

Являясь основоположником нового литературного жанра, Феокрит ввел его в русло определенной литературной традиции, окончательно сформировавшейся еще в литературе IV в. и нашедшей свое яркое выражение в поэзии Эринны, греческих эпиграмматистов IV — начала III в. и Филита Косского, которого первым называли ποιητής ἀμα καὶ κρητικός. От знаменитой в древности поэмы Эринны, посвященной безвременно скончавшейся подруге детства поэтессы, сохранилось всего 50 строк, т. е. шестая

³³ F. Meinel, Vergil und Apollonius Rhodius, Untersuchungen über die Zeitverstellung in der antiken epischen Erzählung, Hamburg, 1940.

³⁴ Theocritus quique feruntur bucolici graeci, ed. C. Gallavotti, Roma, 1946, 2-е изд. 1955.

³⁵ Theocritus, ed. by A. S. F. Gow, I—II, Cambr., 1950; переиздано почти без исправлений в 1952 г. — Bucolici Graeci, ed. by A. S. F. Gow, Oxf., 1952.

³⁶ Theocritus, Carmina, ed. K. Latte, Iserlohn, 1948.

³⁷ R. J. Smyth, The Text History of the Epigrams of Theocritus, Berkeley—Los Angeles, 1955.

³⁸ Феокрит, Моск, Бюон, Идиллии и эпиграммы, перевод и комментарии М. Е. Грабарь-Пассек, М., 1958; Sielanka grecka. Teokryt i mniejsi bukoliky. Z dodatkiem: Bukolika grecka w Polsce, przeł A. Surderkowna, oprac. J. Lanowski, Wraclaw, 1953.

³⁹ См. В. А. van Groningen, Quelques problèmes de la poésie bucolique grecque, «Mnemosyne», XI (1958), 4, стр. 293 сл.; XII (1959), 1, стр. 24 сл.

⁴⁰ C. Di-Mino, Il folklore siciliano in Teocrito, «Folklore Italiana», т. 6, 1934, стр. 217 сл.

⁴¹ И. М. Тронский, Религия греческого пастуха, сб. «Религия и общество», Л., 1926, стр. 126 сл.; Т. А. Красоткина, Фольклорно-бытовые корни буколистического состязания, ВДИ, 1948, № 2, стр. 208 сл.; М. Е. Грабарь-Пассек, Феокрит и его античные подражатели, «Докл. и сообщ. филологич. ф-та МГУ», вып. 2 (1947), стр. 68 сл.

⁴² R. Merkelbach, Wettgesang der Hirten, RhM, 99 (1956), 2, стр. 97 сл., но без ссылок на своих предшественников.

часть, требующая тщательной реставрации⁴³. Для нас «Бавкида» Эринны является первым памятником греческой интимной поэзии, оказавшим большое влияние на поэзию III в. до н. э., и не случайно имя Эринны неоднократно фигурирует в литературных спорах этого периода⁴⁴.

Выше мы уже говорили о том, что Каллимах, Феокрит и их единомышленники, выступая против больших эпических поэм, не отвергали эпоса как такового. Как показал К. Пиглер, эпическая поэзия процветала в эллинистическую эпоху⁴⁵, а вкусы александрийских поэтов были отнюдь не обязательны для всех жителей ойкумены⁴⁶. Во всем эллинистическом мире и у римлян превозносилась эпическая поэма Арата «Феномены», рассказывающая о небесных явлениях в популярной и доходчивой форме и неоднократно переведенная впоследствии на латинский язык. В 1956 г. вышло новое издание «Феноменов», с большим обстоятельным введением, критическим аппаратом, подробным комментарием и прозаическим французским переводом. Дополнением к этому изданию, где учитываются также и вновь найденные отрывки текста «Феноменов», является большое исследование, посвященное истории текста⁴⁷.

Современник Арата Никандр из Колофона переложил в гекзаметры научный трактат о ядах и противоядиях. Это произведение высоко ценилось в Риме, к нему составлялись подробные схолии, античность долго любила цитировать Никандра и подражать ему. Недавно был найден интересный отрывок античного схолия к Никандру, где перечислены и цитируются некоторые поэты его времени⁴⁸. В 1953 г. вышло новое издание всех сохранившихся сочинений и фрагментов Никандра с английским переводом и подробным комментарием⁴⁹.

Значительно дополнились в последнее время наши сведения и об Эвфорионе Халкидском, которого римские поэты превозносили за исключительное мастерство художественного рассказа и даже противопоставляли Каллимаху. К трем фрагментам Эвфориона, найденным еще в предвоенные годы (Page, ук. соч., фр. 121), сейчас прибавились два новых⁵⁰. Изучение всего этого материала в дополнение к уже известным отрывкам позволило составить некоторое представление об особой повествовательной манере Эвфориона, установить наличие у него любовной темы, выявить некоторые исторические намеки⁵¹.

Уже давно опровергнуто мнение об исторической отрешенности эллинистической литературы, и лишь отдельные буржуазные исследователи, как, например, Говальд, продолжают считать искусство и литературу эллинизма внеисторичными. Расширению и углублению наших сведений об эллинистическом мире во многом помогает его литература, при условии, однако, что исследователи, увлекаясь, не станут проецировать историческую действительность непосредственно в литературные памятники, как это произошло, например, с последней из указанных работ об Эвфорионе. Не свободны от этого недостатка также и некоторые выводы, сделанные недавно в результате изучения «Александры» Ликофрона, александрийского поэта III в. до н. э. Эта историческая поэма считается во всех отношениях настоящей загадкой. Вероятно, она дошла до нас именно потому, что филологи из поколения в поколение ломали голову над ее расшифровкой, называя Ликофрона «poeta omnium quotquot sunt obscurissimus». Недавно несколько прояснился вопрос о жанре и характере этого произведения. Как показал Т. Сишко, «Александра» связана с оракульной поэзией IV—III вв. до н. э., очень распространенной в то время, но мало известной и недостаточно изученной в современной науке⁵². Не вызывает сейчас сомнения и вопрос об ее авторе, вокруг

⁴³ Page, ук. соч., фр. 120; K. Latte, Erinna, «Nachricht. d. Akad. d. Wissensch. Götting. Philol.-hist. Kl.», 3 (1953), стр. 79 слл.; F. Scheidweiler, Erinna's Klage am Baukis, «Philologus», 100 (1956), 1—2, стр. 40 слл.

⁴⁴ C. M. Bowra, Problems in Greek Poetry, Oxf., 1953.

⁴⁵ K. Ziegler, Das hellenistische Epos, Lpz, 1934.

⁴⁶ Например, Робертс показывает, что литературные вкусы Александрии и всего остального Египта в птолемеевскую эпоху, как правило, не совпадали. C. H. Roberts, Literature and Society in the Papyri, МН, X (1953). 3—4, стр. 264 слл.

⁴⁷ Arati Phaenomena, ed. J. Martin, Firenze, 1956; он же, Histoire du texte des «Phénomènes» d'Aratos, P., 1956.

⁴⁸ The Oxy. Pap., XIX, 2221; J. Cazzaniga, M. A. Vandoni, Nuovo frammento di scholion a Nicandro Theriaka, vv. 326—329, «Studi Italiani di filologia classica», 27—28 (1956), стр. 83 слл.

⁴⁹ Nicander, The Poems and Poetical Fragments, ed. by A. S. F. Gow and A. F. Sholfield, Camb., 1953.

⁵⁰ The Oxy. Pap., XIX, 2219—2220; V. Bartolletti, Frammenti di poemetti di Euforione, «Papiri della Societ. ital.», 14 (1957), стр. 35 слл.

⁵¹ P. Lévêque, Euphorion, la reine et les rois, REG, 71 (1958), стр. 433 слл.; P. Treves, Euforione e la storia ellenistica, Milano — Napoli, 1955.

⁵² T. Siniko, De Lycophronis tragici carmine sibyllino, «Eos», XLIII (1948—1949), 1, стр. 3 слл.

которого не так давно развернулась большая дискуссия⁵³. На двух найденных недавно сосудах эллинистического периода сохранились изображения Ликофрона, Арата, Феокрита и Менедема, причем рядом с Ликофроном помещена маска Кассандры⁵⁴. Однако попытки точно датировать это произведение и связать его с определенными историческими событиями пока еще не привели к положительным результатам⁵⁵. В равной степени обращаясь к мифологизированной и реальной истории, Ликофрон трактует излюбленную в античности тему столкновения Европы и Азии, начиная от Трои и кончая Римом, которому суждено покончить с этой извечной борьбой. Поэма написана в ямбических триметрах размером, наиболее привычным для Ликофрона, входившего в состав Плеяды, т. е. семи трагических поэтов, живших при дворе Птолемея II Филадельфа.

Ликофрон не был единственным драматургом эллинистического периода, который, обратясь к историческому прошлому и используя трагедийный размер, создал произведение необычного жанра. Мы слишком мало знакомы еще с эллинистической литературой, а тем более с ее драматическими формами, и поэтому склонны, возможно, даже преувеличивать их необычайность и загадочность. Несколько лет назад оживленную дискуссию среди филологов и историков вызвала находка одного загадочного драматического произведения. Это был папирусный фрагмент в ямбических триметрах, по содержанию связанный с ранней историей Лидии. Издавший его Э. Лобель⁵⁶, датировав фрагмент началом V в. до н. э., считал его отрывком из неизвестной трагедии Фририха. В результате длительного спора теперь доказано, что фрагмент является отрывком памятника неизвестного драматического жанра эллинистического периода⁵⁷. Сейчас, когда текст впервые издан со всей палеографической тщательностью (The Oxy. Pap., XXIII, 2382), ясно, что подобно ликофоновской «Алекса́ндре» он представляет собой драматический монолог. Некий лидийский гражданин, очевидец насильственной смерти царя Кандавла, рассказывает об обстоятельствах гибели Кандавла, о его вероломной жене и захвате Гигесом лидийского престола⁵⁸. На основании изучения истории Лидии указанного периода с привлечением новых исторических документов установлено, что широко распространенная версия о свержении Кандавла и воцарении Гигеса является поздней послекрезовской версией, не соответствующей действительности и сочиненной в интересах дельфийского оракула⁵⁹. Обращение к ранней истории Востока у трагического поэта Ликофрона, интересующегося Троей, и у неизвестного драматурга III в., рассказывающего о лидийском царстве, вероятно, не было простой случайностью. Однако ученые на это еще не обратили внимания, и вопрос об использовании в эллинистической художественной литературе тем, связанных со сложными отношениями Востока и Запада, остается открытым.

Находки фрагментов драмы о Гигесе пополнили наши сведения о драматургии эллинистического периода, изученной еще далеко недостаточно. Поэтому открытию каждого нового произведения драматического жанра, начиная с найденных в 1891 г. мимиямбов Герода, является обычно подлинной сенсацией. К настоящему времени

⁵³ См. K. Ziegler, RE, статья о Ликофроне, т. 13, п/т. 26, стб. 2336 сл.

⁵⁴ Ch. Picard, Un cénacle littéraire hellénistique sur deux vases d'argent du trésor de Berthouville — Bernay, «Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», 44 (1950), стр. 53 сл.

⁵⁵ P. Levezque, «Lycophronica», REA, LVII (1955), 1—2, стр. 36 слл. — дается интерпретация ст. 1453 слл., на основании которых «Алекса́ндра» датируется второй четвертью III в.; St. Josifović, Lykophonstudien, «Годишњак философског факултета у Нови Саду (Универзитет у Београду)», II (1957), стр. 199 сл. Автор ставит своей основной целью раскрыть историко-политические горизонты поэмы и считает, что она представляет собой «политическое произведение, приуроченное к определенным событиям» и предназначенное для того, чтобы «завоевать расположение выдающихся представителей родственного победоносного народа».

⁵⁶ E. Lobel, A Greek Historical Drama, L., 1950.

⁵⁷ Укажем лишь отдельные работы по этому вопросу: K. Latte, Ein antikes Gygesdrama, «Eranos» 48 (1950), 1—2, стр. 136 слл.; D. L. Page, A New Chapter in the History of Greek Drama, Camb., 1951; J. C. Kamerbeek, De novo fragmento tragico in quo de Gyge et Candaule agitur, «Mnemosyne», 5 (1952), 2, стр. 108 слл.; A. Lesky, Das hellenistische Gyges-Drama, «Hermes», 81 (1953), 1, стр. 1 слл.; он же, Von neuen Funden zum griechischen Drama, «Gymnasium», 61 (1954), стр. 295 слл.; J. A. S. Evans, Herodotus and the Gyges Drama, «Athenaeum», 33 (1955), 3—4, стр. 333 сл.; E. Bickel, Rekonstruktions-Versuch einer hellenistischen Gyges-Nysia-Tragoedie, RhM, 100 (1957), 2, стр. 141 слл.

⁵⁸ K. Latte (Ein antikes Gygesdrama...) на основании изучения метрических особенностей фрагмента считает, что автором драмы должен быть кто-нибудь из александрийской Плеяды.

⁵⁹ O. Seele, Lydiaka, «Wien. Stud.», 69 (1956), стр. 242.

уже установлено, что в эллинистическую эпоху существовало два типа мимов⁶⁰. Одни, литературные⁶¹, исполнялись в узком замкнутом кругу и не имели будущего, другие, нелитературные, известные в папирусных фрагментах и написанные в стихах и прозе, являют собой яркие свидетельства жизни народных масс птолемеевского Египта⁶². Папирусы ознакомили нас с прозаическими мимами (мимологией) и с различными формами поэтических мимов (мимодия) (The Oxy. Pap., III, 413). Все эти мимические сценки, разыгрываемые в лицах либо декламируемые одним актером, были любимыми развлечениями и для грека со средним достатком, и для представителя местного населения. Мимы находили спрос во всех странах эллинистического мира, свидетельствуя о том, что их литературная жизнь проходила не только среди социальных верхов. Наряду с памятниками драматических жанров, среди которых сохранились народные (нелитературные) мимы, до нас дошли также единичные произведения, созданные местным населением. Так, Pap. Oxy., 2331 представляет собой отрывок народной книги о подвигах Геракла (с отдельными сохранившимися иллюстрациями). По языку и метрике этот фрагмент отличается своими «варваризмами» и не похож ни на что до сих пор известное⁶³. Pap. Oxy., 2332 является новым экземпляром знаменитого текста «оракула горшечника», уже давно привлекавшего внимание египтологов и эллинистов. Подобно «Алекса́ндре» Ликофрона это интересное произведение составлено в виде пророчества и туманного предсказания, но, в отличие от «Алекса́ндр» с ее греческой ориентацией, «оракул горшечника», как и «Демотическая хроника», отражает стремление египетских λαοί к освобождению от ненавистного иноземного ига и их мечты о возвращении собственных справедливых правителей, которые должны вернуть утраченный золотой век. Издание текста снабжено введением и подробным комментарием, составленным четырьмя авторами (A. D. Nock, P. Alexander, I. W. Barns, P. W. Frazer).

Говоря о мало изученной народной литературе эллинизма, следует отметить также и своеобразные поэтические импровизации, любимое развлечение пирующих мужчин различных общественных категорий. Среди папирусов III в. до н. э. были найдены отрывки некоего сборника застольных шуток, представляющего параллель к афинским сборникам схолиев и перекликающегося с «Характерами» Феофраста⁶⁴.

Импровизационная манера стихосложения характерна также для некоторых эллинистических эпиграмм, жанра, пользующегося самым широким и длительным пространством и одинаково популярного как среди образованных ценителей поэзии, так и среди полуграмотных людей. Эллинистическая эпиграмма, названная Р. Пфейффером самым нежным цветком в саду эллинистической поэзии, имеет многовековую историю, начиная от греческой эпиграммы VIII в. до н. э. и кончая византийской поэзией VI в. н. э. В эпоху эллинизма возникают новые разнообразные виды эпиграмм, но во всех них человек рассказывает о себе и своих переживаниях. Все более утрачивается связь эпиграммы с посвячительной надписью, сохраняющаяся лишь в виде литературной фикции, а с другой стороны, застольные эпиграммы заменяют схолий и представляют собой своеобразные импровизации и экспромты⁶⁵. Эпиграмма превращается в любопытную иллюстрацию эллинистического быта и общественных отношений. Историкам античного мира хорошо известен знаменитый архив Зенона, чиновника

⁶⁰ A. S w i d e r e k, Le mime grec en Egypt, «Eos», т. 47 (1954), 1, стр. 63 слл.

⁶¹ Типа мимов Герода и Феокрита. За послевоенные годы вышли два новых итальянских издания мимов Герода: E r o d a, J mimiambi, ed. Q. C a t a u d e l l a, Milano, 1948; Herodae Mimiambi, ed. G. P u c c i o n i, Firenze, 1950; The Pap. Oxy., XXII, 2336 принёс восемь строк из VIII мимиямба Герода (VIII, 67—75). Его исследовал А. B a r i g a z z i, Un nuovo frammento di Erode, МН, 12 (1955), 2, стр. 113 слл.

⁶² J. M a n t e u f f e l, Ze swiata papirusow. Obrazki z zycia w Egipcie hellenistycznym, Warszawa, 1950; о н ж е, De opusculis Graecis Aegypti e papiris, ostracis, lapidibusque collectis, Warszawa, 1930.

⁶³ Репродукцию иллюстраций см. A. S a l i s, Zum Löwenkampf des Herakles, МН, 12 (1955), 3, стр. 173, табл. I.

⁶⁴ Первые изданы в 1938 г. G. A. G e r h a r d, Griechische Papyri, Urkunden und literarische Texte aus der Papyrussammlung der Universitätsbibliothek Heidelberg, Diss., Heidelberg, 1938. По предположению издателя, эти отрывки входили в некую антологию шуточных эпиграмм. Относительно традиции подобных эпиграмм и их литературных источников см. E. S i e g m a n n, Literarische griechische Texte aus der Heidelberger Papyrussammlung, Heidelberg, 1956, стр. 29 сл. и R. K a s s e l, Reste eines hellenistischen Spassmacherbuches auf einem Heidelberger Papyrus?, RhM, 99 (1956), 3, стр. 242 сл.

⁶⁵ Р. Меркельбах, например, убедительно доказал, что при интерпретации эпиграммы важно учитывать, если это возможно, обстоятельства ее возникновения. Им дано остроумное и не лишённое правдоподобия толкование эпиграммы о Верисе Посидиппа — M e r k e l b a c h, Βουκολιστάι...; см. также G. J. de Vries, Aristarque e le Bérissos de Posidippe, «Mnemosyne», 10 (1957), 4, стр. 336 слл.

Аполлония, всемогущего министра финансов птолемеевского Египта. Но мало кто знает две лобопытные эпиграммы, впервые опубликованные в 1938 г., — эпитафии на могиле собаки, где говорится, что пес Зенона Таврон погиб на охоте от ран, спасая своего хозяина от клыков дикого вепря⁶⁶. С сооружением архитектурных памятников связаны две другие новые эпиграммы: в одной описывается лександрийский фонтан, украшенный изображениями Птолемея II и Арсиной, в другой — храм Гомера, построенный при Птолемее IV Филопаторе и известный лишь из упоминания Эллиана⁶⁷. Много ценных для историка сведений сообщают также эпиграммы представителей пелопоннесской школы, которые прославляют людей низших имущественных классов, их повседневный тяжелый труд и скромный достаток. О том, что эпиграммы проникают во все уголки эллинистического мира и читаются повсюду, свидетельствует большое число женщин-поэтов⁶⁸ и наличие эпиграмматических сборников, существовавших еще до собрания Мелсагра⁶⁹.

До сих пор еще нет монографии об эллинистической эпиграмме, как не существует также ее отдельного издания. Еще в конце 20-х годов английский ученый Чауэлл предполагал издать в качестве продолжения своей *Collectanea Alexandrina* всю эллинистическую эпиграмму, но не успел этого сделать. Изредка в различных странах появляются издания с переводами отдельных поэтов-эпиграмматистов, чаще всего предназначенные для широкого читателя⁷⁰. Изучение эллинистической эпиграммы как исторического документа, связанного с конкретными событиями, могло бы принести большую пользу историку, как показывает, например, Гоу, устанавливая в результате интерпретации пяти эпиграмм Леонида Тарентского, что поэт был современником Пирра и что его стихи связаны с эфирскими событиями конца IV — начала III вв. до н. э.⁷¹ Своеобразным дополнением к эллинистической эпиграмме являются открытые недавно в Помпеях фрески — иллюстрации к эпиграмме Леонида Тарентского⁷².

После прекрасного французского издания, выполненного под редакцией П. Вальца, греческая антология еще раз недавно была издана в Мюнхене Г. Бекби⁷³. Немецкое издание во многом уступает Вальцу краткостью справочного и критического аппарата, суммарностью введения и выборочным использованием работ предшественников.

Наш обзор был бы односторонним, если бы мы хотя бы вкратце не упомянули об эллинистической прозе. Беглое упоминание о ней в данном обзоре оправдано целым рядом причин. Вся эллинистическая проза крайне фрагментарна и в основном известна нам по поздним переложениям и пересказам. Новые находки не внесли никаких существенных и значительных дополнений в известные материалы. В большинстве своем известные произведения эллинистической прозы, за исключением новеллы и некоторых других видов⁷⁴, не являются памятниками художественной литературы.

За последнее время исследователями, главным образом историками, много внимания уделяется эллинистической историографии. Не ставя своей задачей давать обзор историографии и философии, мы ограничимся лишь несколькими замечаниями по это-

⁶⁶ Page, *Greek Literary Papyri*, фр. 109; о нем же см. новую эпиграмму — Meikelbach, *Literarische Texte*, стр. 91, 1056.

⁶⁷ Page, *Greek Literary Papyri*, фр. 105. Эти эпиграммы анонимны и сохранились на обрывке папируса, являющегося частью какой-то школьной хрестоматии.

⁶⁸ G. Luck, *Die Dichterinnen der Griechischen Anthologie*, МН, XI (1954), 3, стр. 170 слл.

⁶⁹ Как уже давно установлено в науке. См. U. Wilcken, *Griechische Ostraka aus Aegypten*, II, Lpz — B., 1899, № 1148, 1488; B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G. Smyly, *The Tebtunis Papyri*, L. — N. Y., 1902, № 1, 2, 3; W. Schubart, *Einführung in die Papyruskunde*, B., 1918, стр. 131.

⁷⁰ Например, Asklepiades of Samos, ed. by W. Wallace and M. Wallace, Oxf., 1941; A. Olivieri, *Epigrammatisti greci della Magna Grecia e della Sicilia*, Napoli, 1949.

⁷¹ A. S. F. Gow, *Leonidas of Tarentum. Notes and Queries*, «Clas. Quart.», 8 (1958), 3—4, стр. 113 слл.

⁷² B. Neutsch, *Das Epigrammenzimmer in der Casa degli Epigrammi zu Pompeji und sein Wandbild Eros in Ringkampf mit Pan*, «Jahrb. des deutsch. Archeolog. Instituts», 70 (1955), стр. 155 слл.

⁷³ *Anthologie grecque*, ed. P. Waltz, J. Guillon, I—VII, P., 1928—1957. В этом издании использованы новые методы прочтения текста, усовершенствован справочный аппарат, внесено много исправлений и дополнений по сравнению с предыдущими изданиями. *Anthologia graeca*, ed. H. Beckly, V—III, München, 1957—1959. Недавно вышла работа Гоу, к сожалению, известная мне лишь по рецензиям, посвященная истории текста сборников антологии. A. S. F. Gow, *The Greek Anthology. Sources and Ascriptions*, L., 1958.

⁷⁴ Исследуя греческую новеллу, Катауделла доказал, что эллинистическая новелла является совершенно новым ее видом, оказавшим большое влияние на римскую и новую литературу. Q. Cataudella, *La novella greca*, Napoli, 1957.

му поводу. Новое дополненное и переработанное издание фрагментов всех греческих историков Ф. Якоби, которому предпослано специальное издание сборника статей издателя о греческой историографии, — выдающееся событие в современной историографической науке⁷⁵. Изучение исторического греческого романа, и прежде всего — позднего жизнеописания Александра, с привлечением нового материала папирусов, позволило современным исследователям установить их разнообразные источники и уточнить традиции преданий⁷⁶. В частности, одним из источников романизированной истории Александра являлись подлинные или фиктивные письма, например письма о последних днях Александра, известные из папирусных находок⁷⁷. Подобные письма имели очень широкое распространение, они легли в основу эпистолярного жанра эллинистической прозы, которым пользовались историки, философы и писатели⁷⁸. Из отдельных историков эллинистического периода наибольшее число новых и заслуживающих внимания работ посвящено Полибию⁷⁹. Наряду с учеными историческими и географическими трудами, рассчитанными на подготовленного и образованного читателя, в эллинистическую эпоху существовали разнообразные полуфантастические рассказы о чудесных странах и описания необычайных путешествий и приключений, чрезвычайно популярные среди многочисленных любителей развлекательного легкого чтения⁸⁰. Некоторые писатели используют форму рассказа о чудесах для изложения своих философских и религиозных взглядов. Так поступает, например, Эвгемер, автор утопического сочинения о чудесном острове Панхей, где некогда правили цари, ставшие впоследствии олимпийскими богами⁸¹.

Пропуская обзор философских прозаических жанров, так как они не являются художественной литературой и могут увести нас очень далеко, следует отметить, что за послевоенные годы значительно пополнилось число работ по эллинистической философии, отдельным ее школам и их представителям. В связи с вновь найденными среди папирусов Геркуланума эпикурейскими текстами философские взгляды Эпикура и его продолжателей оказались сейчас в центре внимания исследователей⁸². Второе место заняло изучение философии стоиков, всей системы их учения и особенно их отношения к обществу и его культуре⁸³.

Еще слишком мало общих работ по эллинизму, недостаточно изучена его культура, а в литературе даже отдельные давно известные авторы, как Каллимах и Феокрит, еще далеко не исследованы. Поэтому пока нет еще общих работ по истории эллинистической литературы и очень мало монографий по ее специальным вопросам или

⁷⁵ F. Jacoby, *Abhandlungen zur griechischen Geschichtschreibung*, Leiden, 1956; *Die Fragmenta der griechischen Historiker*, ed. F. Jacoby, I—III, Leiden, 1957—1958.

⁷⁶ Например, T. S. Brown, *Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography*, Berkeley, 1949; он же, *Callisthenes and Alexander*, *AJPh*, 70 (1949), 3, стр. 225 слл. См. также: *From Alexander to Constantine. Passages and Documents Illustrating the History of Social and Political Ideas 336 BC — 337 AD*, ed. by E. Barker, *Oxf.*, 1956.

⁷⁷ E. Feuillat, *Sur la vie d'Alexandre de Pseudo-Callisthène*, *REG.*, 69 (1956), 324—325, стр. 199, слл.; R. Merkelbach, *Die Quellen des griechischen Alexanderromans*, München, 1954.

⁷⁸ H. Koskeniemi, *Studien zur Ideen und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.*, Helsinki, 1956.

⁷⁹ A. Mauersberger, *Polybios — Lexicon*, I, B., 1956; F. W. Walbank, *A Historical Commentary on Polybios*, I, *Oxf.*, 1957; J. Devroey, L. Kempe, *Ove de historische methode van Polybios*, Brussel, 1956; N. D. Fustel de Coulanges, *Polibio*, Bari, 1947; M. Gelzel, *Über die Arbeitsweise des Polybios*, «Sitzungsber. Heidelb. Akad., Phil.-hist. Klasse», 1956, 3, стр. 5 слл.; R. Koskeniemi, *Polybios als Kritiker früherer Historiker*, «Wiss. Zeitsch. d. Univ. Jena», 6 (1956—1957), 5, стр. 647 сл.

⁸⁰ J. Schneyder, *De periogetarum graecorum reliquis*, Łódz, 1950; он же, *Periegeza w literaturze greckiej. Powstanie i rozwój gatunku*, Krakow, 1946. О новых находках прозаических, исторических и географических текстов см. Merkelbach, *Literarische Texte*, стр. 108 сл.

⁸¹ G. Vallauri, *Evemero di Messene*, Torino, 1956.

⁸² G. C. Braga, *Studi su Epicoro*, Milano, 1951; N. W. De Witt, *Epicurus and his Philosophy*, Minneapolis, 1954; Публикацию отрывков Филодема см. в «Aegyptus», 36 (1956), стр. 27 сл. и в «La Parola del Passato», X (1955).

⁸³ M. Pohlenz, *Die Stoa. Geschichte eines geistigen Bewegung*, Göttingen 1948—1949. 2-е изд.—1955; H. Simon, M. Simon, *Die alte Stoa und ihr Naturbegriff. Ein Beitrag zur Philosophiegeschichte des Hellenismus*, B., 1956; J. Ma, *Stoische Logik*, «Hermès», 85 (1957), 2; Ph. de Lacu, *Stoic Views of Poetry*, *AJP*, 69 (1948), 3, стр. 241 слл.

отдельным ее представителям. Ценная для своего времени книга Ф. Зуземиля теперь уже безнадежно устарела и не годится даже в качестве справочника⁸⁴. Вышедшая в 1951 г. вторым изданием работа Ф. Райта составлена крайне поверхностно⁸⁵. В предвоенные годы греческий ученый К. Трипанис готовил большую историю эллинистической поэзии, но опубликовал лишь первый том, кончающийся Каллимахом и эпиграммой⁸⁶. Большое внимание уделено эллинистической литературе в многоотомном труде по истории греческой литературы польского ученого Т. Синко⁸⁷, но и у него не учтены многие новые находки, не выделены основные проблемы, нет обобщающих выводов и мало обращено внимания на связь эллинистической литературы с ее временем.

Исследователи, склонные считать эллинистическую литературу литературой упадка, обычно проходят мимо вопроса о причинах ее стойкого влияния на римскую литературу. Но науке еще предстоит объяснить и показать все своеобразие этого влияния, определившего, как доказал В. Кролл, художественное оформление римской литературы⁸⁸. Состоявшийся в Женеве в 1953 г. симпозиум филологов был специально посвящен вопросу соотношения римской и эллинистической поэзии⁸⁹. Участники симпозиума, в числе которых был такой известный исследователь эллинистической поэзии, как А. Ростаньи, по-разному определили отношение римских поэтов к эллинистической литературе, но все сошлись на признании непрерывной поэтической традиции и на личном ее переосмыслении в среде римлян. Дискуссия показала, что изучение эллинизма может принести большую пользу для понимания истории римской культуры и литературы. Ведь известно, что идеи Каллимаха стали актуальны в Риме через двести лет после того, как они были впервые высказаны в Александрии. Именно Каллимаха и его приверженцев выславляли в качестве своего оплота римские поэты оппозиционного направления, а Август и Меценат проявляли удивительный интерес к их литературным разногласиям и объявляли себя открыто противниками каллимахеидцев. Близость с эллинистической литературой римляне ощущали всегда и во всех жанрах своей отечественной литературы. Даже тот жанр римской поэзии, который Квинтилиан характеризует как «всецело наш» (*tota nostra*) — римская сатира — не может быть понят и объяснен без эллинизма⁹⁰. Сопоставления эллинистической и римской литературы способствуют более глубокому и правильному их пониманию, но пока эти сопоставления ограничиваются в основном только привлечением александрийской поэзии⁹¹. Эллинистическая художественная литература влияла не только на литературу Рима. Вопрос о ее отношении к литературе других стран (Армения, Парфия и другие) очень важен для выяснения ее специфики. Если бы эта литература была отмечена печатью упадка и не несла в себе зародышей будущего, она не имела бы стойкого влияния или взаимосвязи с литературой и культурой других стран. Сейчас уже невозможно закрывать глаза на стойкость и длительность эллинистического влияния, о котором говорит В. Д. Блаватский, возражая А. Б. Рановичу⁹². Необходимо объяснить причины этого явления, учитывая все, сделанное современной наукой в области изучения эллинизма, не забывая при этом и эллинистическую литературу, отражающую и несущую в себе всю сложность и противоречивость этого малозученого периода античной истории.

Н. А. Чистякова

⁸⁴ F. Susemihl, *Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit*, I—II, Lpz, 1891—1892.

⁸⁵ F. A. Wright, *A History of Later Greek Literature from the Death of Alexander in 323 BC to the Death of Justinian in 565 AD*, L., 1932; 2-е изд.—1951.

⁸⁶ R. A., Τροπῶνης. Ἡ Ἀλεξανδρινὴ ποιησις, I, Ἀθήναι, 1943.

⁸⁷ T. Sinko, *Literatura grecka, II, Literatura hellenistyczna, część I (wiek III—II przed CHR)*, Krakow, 1947.

⁸⁸ W. Kroll, *Studien zum Verständnis der römischen Literatur*, Stuttgart, 1924.

⁸⁹ L'influence grecque sur la poésie latine de Catulle à Ovide, «*Fondation Hardt pour l'étude de l'antiquité classique*», Entretiens II, Vandoevres — Genève, 1953.

⁹⁰ M. Puelma Piwonka, *Lucilius and Kallimachos. Zur Geschichte einer Gattung der hellenistisch-römischen Poesie*, Frankfurt a. Main, 1949. Приводится большая фактическая материал.

⁹¹ Об этом см. J. Manteuffel, *Kallimach a poezia rzymska*, «*Eos*», 40 (1946), 1, стр. 73 сл.

⁹² В. Д. Блаватский, *Культура эллинизма*, СА, 22 (1955), стр. 109 сл.